

На правах рукописи

Залов Артур Фидратович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Специальность: 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре юриспруденции государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Тюменской области «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права»

Научный руководитель: **Шарапов Роман Дмитриевич**
доктор юридических наук, профессор

Официальные
оппоненты: **Черненко Тамара Геннадьевна**
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права и
криминологии ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный университет»

Предеин Павел Юрьевич
кандидат юридических наук, ассистент
кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ
ВПО «Курганский государственный
университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южно-Уральский
государственный университет (национальный
исследовательский университет)»

Защита состоится 22 июня 2017 года в 13 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.282.03, созданного на базе ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический университет», по адресу:
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, зал заседания совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический университет»
(<http://www/usla.ru>).

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

З.А. Незнамова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Квалификация преступлений есть один из важнейших процессов в правоприменительной деятельности судебно-следственных органов и их должностных лиц, поскольку точная юридическая оценка совершенного посягательства, являясь ключевым этапом привлечения виновного к уголовной ответственности, служит гарантией обеспечения режима законности при реализации государством своей правоохранительной функции.

При этом, несмотря на регулярную работу соответствующих участников уголовного судопроизводства с уголовным законом на предмет установления в действиях лица признаков конкретного состава преступления, квалификация криминальных посягательств таит в себе известные трудности и проблемы и справедливо считается одним из сложнейших институтов теории уголовного права.

Особую сложность представляет собой вопрос отграничения единичных преступлений от их множественности, где грань между указанными правовыми явлениями крайне тонка, в том числе и по причине невысокого качества законодательной техники. Речь идет и о соотношении общего и специального составов преступлений, и о способе выполнения основного посягательства, когда он выделен законодателем в отдельный состав преступления, и о последствиях деяния в случае, если их наступление рассматривается как самостоятельное преступление.

Сказанное в полной мере касается и продолжаемых преступлений, которые все же стоят особняком в этом ряду дискуссионных аспектов теории квалификации. Их уникальность проявляется не столько в усложненной конструкции тех или иных составов уголовно наказуемых деяний, но обусловлено психологическим механизмом совершения посягательства, когда для установления его единства требуется подвергнуть сложнейшему анализу именно субъективную сторону содеянного.

Таким образом, наличие в действиях лица признаков продолжаемого преступления определяется прежде всего внутренним содержанием воли злоумышленника, нежели самим процессом ее объективирования в конкретный криминальный акт. В связи с чем следует признать правильным мнение ученых о том, что анализируемый феномен носит скорее социально-психологический характер и в меньшей степени связан с юридическим оформлением общественно опасных деяний в статьях уголовного закона.

Однако исследование продолжаемого преступления не сводится лишь к теоретическим выкладкам, оно также имеет и прикладное значение. Особенно это касается сферы применения к виновному мер уголовной ответственности, поскольку при решении вопросов назначения наказания,

освобождения от него либо от ответственности суду необходимо учитывать личностные особенности осужденного, степень его "криминальной запущенности", определяемой в том числе количеством совершенных им преступлений, а также легкостью, с которой в его сознании возникает решимость пойти на новое преступное посягательство.

Наконец, достоверный вывод правоприменителя о совершении подсудным продолжаемого преступления имеет решающее значение при определении сугубо юридических аспектов дела, позволяя правильно разрешить вопросы о подсудности, действии уголовного закона во времени и пространстве, истечении сроков давности уголовного преследования.

Несмотря на всю значимость указанного юридического феномена для надлежащего правоприменения, однозначного понимания существа продолжаемого посягательства в отечественной науке так и не сложилось. Регулярно становясь предметом исследований криминалистов еще с середины позапрошлого века, анализируемому институту уделялось минимальное внимание: обычно его вскользь затрагивали при рассмотрении вопросов множественности деяний либо сложных преступлений, при этом акцент делался исключительно на продолжаемых хищениях.

В связи с отсутствием в теории строгих критериев разграничения продолжаемых преступлений и совокупности деяний законодатель не стал даже упоминать эту разновидность единичных посягательств в Уголовном кодексе, отдав указанный вопрос целиком на откуп правоприменителю. Судебная практика по тем же самым причинам также не сумела выработать четких ориентиров разграничения продолжаемых деяний и совокупности криминальных актов: несколько постановлений Пленума Верховного Суда РФ, хотя и содержит отдельные пункты, касающиеся роли единого умысла в определении единства деяния, все же картину существенно не проясняют, поскольку представленные в этих документах соображения отличаются казуистичностью и непоследовательностью.

Как следствие, дознавателям, следователям, прокурорам и судьям при решении спорных вопросов в рассматриваемой сфере приходится опираться лишь на собственную интуицию, что, конечно, не может положительно сказываться на единстве и стабильности правоприменения.

Указанные факторы и обуславливают востребованность и актуальность работ, посвященных разработке стройной и непротиворечивой теории, которая бы отвечала на вопросы о сущности и критериях продолжаемого преступления.

Степень разработанности темы исследования. Вопросом уголовно-правовой характеристики продолжаемого преступления активно занимались как известные дореволюционные ученые, так и правоведы советского и постсоветского периодов.

Так, в частности, отдельные аспекты указанного вопроса затрагиваются в монографиях, публикациях и других научных работах П.С. Белогриц-Котляревского, С. Будзинского, С.В. Познышева, В.С. Саблера, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева, А. Фон-Резона (дореволюционный период), М.И. Блума, В. Квашиса, Г.А. Кригера, А.М. Магомедова, А.М. Ораздурдыева, В.П. Малкова, М.Х. Хабибуллина, А.М. Яковлева (советский период), Е.В. Благова, Б.В. Волженкина, Д.А. Гарбатовича, Б.В. Здравомыслова, А.П. Козлова, Н.Ф. Кузнецовой, П.Ю. Предеина, А.И. Рарога, Н.К. Семерневой, Т.Г. Черненко (постсоветский период) и других.

Признавая значительный вклад перечисленных криминалистов в развитие теории продолжаемого посягательства, стоит все же отметить фрагментарность их подхода к указанной теме, на которой останавливались лишь попутно, обычно в рамках анализа сложного преступления либо проблем разграничения единичных и множественных деяний, а также хищений.

Неисследованными остались вопросы правовой природы продолжаемого посягательства, проблемы взаимосвязи институтов Общей части уголовного закона с исследуемым правовым явлением; не давалась уголовно-правовая характеристика ряду общественно опасных деяний, которые зачастую совершаются в несколько этапов, что обуславливает сложность их квалификации в контексте анализируемого института; критерии разграничения продолжаемых и множественных деяний не приведены в строгую систему.

Все это заставляет вновь обратиться к тематике продолжаемого преступления, переосмыслить с учетом накопленного за прошедший период опыта и эмпирического материала сложившиеся стереотипы относительно этой категории посягательств.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правового противодействия совершению продолжаемых преступлений.

Предметом исследования являются конкретное общественно опасное поведение индивида, характеризующее состав продолжаемого преступления, уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за него, правоприменительная практика квалификации подобного рода посягательств, а также теоретические воззрения на исследуемый вопрос.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является определение юридической природы и социальной сущности продолжаемого преступления, выработка общего понятия о нем и последующее формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства о продолжаемом преступлении и практики его применения.

Цели исследования предопределили постановку следующих задач:

- 1) изучить в исторической перспективе развитие представлений о продолжаемом преступлении;
- 2) рассмотреть методологические подходы к определению понятия продолжаемого преступления;
- 3) определить содержание юридической конструкции продолжаемого преступления, а также установить систему признаков, характеризующих определенное деяние как продолжаемое;
- 4) дать авторское определение исследуемого вида преступлений для более полного уяснения его содержания;
- 5) определить место расположения норм о продолжаемом преступлении в рамках Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации;
- 6) проанализировать соотношение и критерии разграничения продолжаемых преступлений и множественности преступлений;
- 7) проанализировать вопросы квалификации продолжаемых преступлений, а также охарактеризовать с уголовно-правовых позиций отдельные виды продолжаемых преступлений;
- 8) установить имеющиеся пробелы в законодательном регулировании и несовершенство правоприменительной практики по исследуемому вопросу;
- 9) разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части регулирования института продолжаемого преступления и практики его применения.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной уголовно-правовой характеристики продолжаемого преступления с целью выявления правовой природы данного юридического феномена. Обосновывается концепция «восприятия деяния единым целым», лежащая в основе данной разновидности сложных посягательств, что, по мнению диссертанта, предопределяет приоритет субъективной стороны в определении продолжаемого характера преступления.

Разработана система критериев, позволяющих отграничить продолжаемые деяния от множественности преступлений. Автором разрешаются спорные вопросы квалификации неоконченных продолжаемых преступлений и продолжаемых преступлений, совершенных в соучастии; демонстрируется механизм действия уголовно-правовых норм во времени и пространстве применительно к исследуемой категории деяний. На основе разработанной концепции продолжаемого преступления даны рекомендации по юридической оценке некоторых преступных посягательств, совершаемых в форме неоднократных тождественных действий, в том числе и тех, которые ранее в указанном

контексте не исследовались (преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и изнасилования).

Предложены варианты закрепления правовых норм о продолжаемом преступлении в тексте Уголовного кодекса РФ, а также в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Настоящая работа, являясь комплексным обобщенным уголовно-правовым исследованием института продолжаемого преступления, систематизирует уже имеющиеся знания о предмете, значительно углубляет и расширяет их, обозначает проблемы и развивает направления для дальнейших научных разработок в области квалификации указанного вида единичных сложных посягательств.

В теории уголовного права выводы и положения диссертации могут быть использованы в исследовании общего понятия продолжаемого преступления, при изучении отдельных его видов, в разработке вопросов отграничения сложных деяний от их множественности, в научно-практических комментариях действующего законодательства. Многие теоретические положения, разработанные автором, носят дискуссионный характер, поэтому создают основу для дальнейшего их теоретического осмысления.

Практическая значимость исследования состоит в выработке предложений и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства, его толкования и практики применения, что позволит снизить риск вынесения неправосудных решений, улучшить законодательную технику и обеспечить высокий уровень эффективности уголовного закона. Положения настоящей диссертационной работы целесообразно применять в процессе изучения курса уголовного права и теории квалификации преступлений, а также в рамках дополнительного профессионального образования.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования послужили основополагающие законы и категории материалистической диалектики и теории познания, общенаучный диалектический метод изучения социальных явлений.

Для обеспечения достоверности и теоретико-практической обоснованности работы использовались общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, системный и структурный подходы. Применялись диссертантом и частно-научные исследовательские методы: сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, социологический, формально-логический, метод моделирования, эмпирического познания, методы экстраполяции и юридического толкования норм права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Продолжаемое преступление представляет собой единичное преступное деяние, складывающееся из нескольких (двух и более)

имеющих тождественную социальную сущность (аналогичных) противоправных действий (бездействий), объединенных единым умыслом (умышленное продолжаемое преступление) или единой ошибкой восприятия (неосторожное продолжаемое преступление).

2. Продолжаемые преступления могут совершаться как умышленно (возможен как прямой, так и косвенный умысел; умысел может носить определенный либо неопределенный характер), так и по неосторожности (в форме легкомыслия или небрежности).

В основе умышленных продолжаемых посягательств лежит единый умысел, который представляет собой ассоциацию многократных действий с общим намерением; в основе неосторожных продолжаемых преступлений – единая ошибка восприятия, которую можно определить как определенное (общее) заблуждение, в результате которого виновный совершает многократные действия, каждое из которых влечет преступное последствие.

3. Предлагается дополнить статью 17 УК РФ частью 4 следующего содержания: «Если два и более аналогичных противоправных действия (бездействия) совершены с единым умыслом (умышленное продолжаемое преступление) или при единой ошибке восприятия (неосторожное продолжаемое преступление), совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по норме о преступлении, признаки состава которого имеются в каждом из действий (бездействий). В случае, если какое-либо из действий (бездействий) продолжаемого преступления содержит дополнительный (по сравнению с иными актами) признак состава преступления, предусмотренный статьей (частью статьи) Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, то все уголовно наказуемое деяние квалифицируется по статье (части статьи) с соответствующим отягчающим обстоятельством».

4. Обвинительный приговор, вынесенный по уголовному делу о продолжаемом преступлении имеет законную силу и в отношении еще не раскрытых, но являющихся частью такого посягательства, отдельных преступных деяний, которые были совершены перед провозглашением вступившего в силу приговора.

Таким образом, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за действия (бездействия), входящие в объективную сторону продолжаемого преступления, если такое преступное посягательство уже получило отрицательную оценку в судебном акте.

Исключения составляют случаи, когда противоправные действия (бездействия), составляющие единое продолжаемое деяние, совершаются и после постановления обвинительного приговора (или иного нереабилитирующего судебного решения). В таком случае такая криминальная активность должна рассматриваться как самостоятельное

преступление со всеми вытекающими правовыми и процессуальными последствиями.

5. Для продолжаемых преступлений характерно, что составляющие их действия (бездействия) посягают на единый объект уголовно-правовой охраны. Вместе с тем, если уголовно наказуемое деяние посягает одновременно на несколько объектов (является полиобъектным), тот факт, что отдельные действия (бездействия) посягают лишь на один, основной, объект не исключает возможность квалификации их совокупности как единого продолжаемого преступления.

Наличие нескольких потерпевших от неоднократных действий (бездействий) виновного, так же как и множественность предметов преступления не является безусловным основанием для квалификации таких действий (бездействий) по правилам о совокупности преступлений.

Но в случае, если благо, на которое совершено посягательство, неразрывно связано с личностью пострадавшего (жизнь, здоровье, неприкосновенность и т.п.), множественность на стороне потерпевшего исключает возможность оценки такого деяния продолжаемым.

Однако если названные блага охраняются уголовно-правовой нормой наряду с другими общественными отношениями, выступающими основным объектом посягательства, то при установлении других обстоятельств, свидетельствующих о единстве намерения, дискретные акты, посягающие на них, могут оцениваться как единое продолжаемое деяние.

6. Местом совершения продолжаемого преступления применительно к правилам определения территориальной подсудности должно считаться территория осуществления последнего из действий (бездействий), составляющих указанное посягательство.

Если последний акт продолжаемого деяния совершен на территории иностранного государства, необходимо применять аналогию процессуального закона (ст.ст. 32, 35 УПК РФ): в таких случаях возможно изменить территориальную подсудность уголовного дела по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, причем компетентным должен признаваться суд, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство составляющих продолжаемое преступление действий (бездействий) или наиболее тяжкое из них.

7. Пока речь идет об одном преступлении, установленное деяние не может содержать признаки приготовления и покушения или приготовления и оконченного преступления либо покушения и оконченного состава: деяние, при совершении которого лицо, не сумев в первый раз довести преступное намерение до конца по не зависящим от него обстоятельствам, в продолжение ранее возникшего умысла предпринимает новую попытку, не выходит за пределы единичного

деяния; содеянное при таких условиях подлежит квалификации только по результатам последней попытки как единичное преступление; то, что посягательств было фактически два, следует учитывать уже при назначении наказания.

8. При совершении продолжаемого преступления в соучастии каждый из соучастников отвечает лишь за те действия (бездействия), которые охватывались его умыслом (эксцесс исполнителя).

Пособник, способствовавший совершению лишь одного из дискретных актов, слагающих продолжаемое преступление, несет ответственность за все деяние в целом при наличии в совокупности двух условий:

- значимость криминального акта, в котором он задействован для всего посягательства в целом (объективный критерий);

- осведомленность пособника о вышеуказанном обстоятельстве (субъективный критерий).

Пособничество (подстрекательство, организаторство) в совершении совокупности преступлений не исключает квалификации действий такого соучастника как продолжаемого посягательства в случае, если установлено, что он действовал с единым умыслом.

Так же как пособничество (подстрекательство, организаторство) несколькими действиям (бездействиям), входящим в объективную сторону продолжаемого деяния, при наличии доказательств самостоятельности умысла может быть оценено как множественность преступлений.

В случае, если сговор на посягательство между соисполнителями имел место в процессе продолжаемого преступления, но до начала хотя бы одного из действий, заключающего в себе полный состав объективной стороны преступления, то такая договоренность должна оцениваться как предварительная применительно к ч. 2 ст. 35 УК РФ.

9. При отграничении продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений указанной категории судам следует устанавливать направленность умысла виновного при реализации запрещенных веществ.

Так, если лицо занимается сбытом наркотических веществ на систематической основе, то каждый акт сбыта следует квалифицировать как самостоятельное преступление, за исключением случаев, когда продажа наркотика происходит в рамках одной договоренности.

Если же умысел виновного направлен на сбыт конкретной массы наркотического средства, то его реализация в несколько приемов даже несколькими лицам представляет собой единое продолжаемое деяние.

10. Ключевым признаком, объединяющим несколько половых актов в единое изнасилование, является состояние потерпевшей (состояние подавленности), которое в силу примененного ранее насилия позволяло беспрепятственно совершать с ней действия сексуального характера.

Совершение с потерпевшей нескольких половых актов при непрерывном применении насилия (независимо от того, носит ли оно психический или физический характер, в том числе и при такой разновидности физического насилия, как лишение свободы) квалифицируется как продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Теоретическую основу диссертационного исследования составляют работы ведущих ученых и мыслителей прошлого и современности по общей теории права, теории уголовного права и теории квалификации преступлений.

В исследовании, в частности, использовались учения о преступлении, его видах, составе преступления, множественности преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм. Задействованы труды представителей зарубежного уголовного права.

В работе над диссертацией автор опирался на Конституцию Российской Федерации, международные правовые акты, Уголовный кодекс РФ, законодательные и иные нормативные акты в сфере административного, гражданского, уголовно-процессуального и других отраслей права, постановления Пленума Верховного Суда России, СССР и РСФСР, Конституционного Суда РФ.

Эмпирическую базу исследования составили:

- постановления и определения Пленумов и Президиумов Верховных судов СССР, РСФСР и РФ, президиумов и судебных коллегий по уголовным делам республиканских и равных им судов, содержание которых затрагивает вопросы применения уголовного закона при совершении различных видов продолжаемых преступлений;

- результаты экспертного опроса 50 судей Верховного суда Республики Башкортостан и 30 сотрудников прокуратуры, принимающих участие в апелляционном рассмотрении уголовных дел в названном суде;

- опубликованная и неопубликованная практика, а также обобщения, обзоры, письма и справки Верховного Суда РФ, Республики Башкортостан, районных судов указанного субъекта РФ по избранной теме исследования за период 1999-2015 годы;

- данные, содержащиеся в справочно-поисковых системах и Интернет-ресурсах, имеющие отношение к объекту исследования.

Теоретические положения, рекомендации и выводы, полученные соискателем, имеют высокую степень научной обоснованности и достоверности, которая обеспечивается методологией, методикой, теоретической и эмпирической базой исследования. Последняя отвечает требованию репрезентативности. Теоретической основой исследования послужили научные труды в области уголовного права и криминологии.

Наряду с этим в диссертации задействованы эмпирические данные, полученные в результате криминологических и уголовно-правовых исследований, проводимых другими учеными, что отражает научную преемственность в исследованиях автора диссертации.

Материалы диссертации в достаточной степени апробированы, а выводы и положения исследования излагались диссертантом на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях.

Выводы и положения диссертационного исследования излагались диссертантом на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях» (Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2-3 ноября 2012 г., 1-2 ноября 2013 г.); «Правовая система и вызовы современности» (Башкирский государственный университет, 3-7 декабря 2012 г., 5-7 декабря 2013 г., 3-5 декабря 2015 г.); «Модернизация юридического образования: проблемы и перспективы» (Башкирский государственный университет, 5-6 ноября 2014 г.); «Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика» (г. Москва, 28-29 ноября 2014 г.).

Основные положения настоящей работы изложены в четырех научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ для опубликования основных положений диссертационных исследований.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, объединяющие десять параграфов, заключение, список использованной литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, показана степень ее разработанности, определяются цели, задачи, объект, предмет, методология и методика, теоретическая основа и эмпирическая база исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава – «Продолжаемое преступление как уголовно-правовой феномен» – состоит из двух параграфов.

В **первом параграфе – «Оценка продолжаемого преступления в теории уголовного права»** – анализируются различные подходы к определению правовой природы продолжаемого преступления, в том числе в исторической перспективе; выявляются сильные и слабые стороны предложенных концепций, которые варьируются от абсолютного отрицания необходимости существования «продолжаемого преступления»

до отнесения к числу деяний указанной категории повторных преступлений.

В итоге автор приходит к выводу об отсутствии четкого представления в отечественной науке относительно существования исследуемого института, что значительно осложняет процесс законодательного закрепления положений о продолжаемом деянии в уголовном законе и, как следствие, дестабилизирует правоприменительную практику относительно квалификации данного вида сложного посягательства.

Во втором параграфе – «Оценка продолжаемого преступления в отечественном уголовном законодательстве» – диссертант рассуждает на предмет необходимости выделять в теории и законодательстве категорию продолжаемых преступлений среди иных видов сложных посягательств.

Делается вывод об огромной значимости вопроса квалификации неоднократных аналогичных противоправных действий индивида как единичного преступления либо по правилам о совокупности посягательств, поскольку его правильное решение обуславливает адекватное применение к виновному достаточно большого количества уголовно-правовых институтов, определяющих его положение в складывающихся уголовно-правовых и процессуальных отношениях, в том числе наказание, его назначение и освобождение от него и от уголовной ответственности в целом, пространственно-временное действие уголовного закона в отношении подсудимого.

При этом необходимо учитывать, что степень общественной опасности продолжаемых деяний выше степени опасности иных посягательств, совершаемых путем одного действия (бездействия), поскольку лицо, осуществляющее противоправную деятельность в форме продолжаемого преступления, проявляет большее упорство в достижении криминальных целей. Указанное обстоятельство должно отражаться на строгости назначаемого наказания.

Одновременно назначение более строгого наказания за множественность преступлений (по сравнению с наказанием, назначаемым за продолжаемое посягательство) обусловлена не степенью негативных для общества последствий, а большей социальной опасностью самого лица, совершившего ряд преступных действий, оцененных как совокупность деяний.

Вторая глава – «Состав продолжаемого преступления» – состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе – «Объективная сторона продолжаемого преступления» – автор подвергает подробному исследованию признаки объективной стороны состава преступления в контексте их значимости для целей определения продолжаемого характера посягательства.

В ходе анализа диссертант формулирует следующие выводы.

Продолжаемые преступления могут совершаться как неоднократными действиями, так и бездействиями. При этом составляющие продолжаемое преступления акты человеческого поведения должны нарушать норму одной из отраслей права, другими словами, обладать свойством противоправности, преступность же действия (бездействия) не является конститутивным признаком продолжаемого деяния.

Рассматривая такую правовую категорию как действия, слагающие продолжаемое деяние, констатируется, что, по сути, этим понятием обозначается способ совершения преступления, поскольку он (способ) только и проявляется в волевых поступках индивида. Способ не равнозначен самому преступлению, но всякое преступное деяние реализуется посредством определенных приемов и методов, что и составляет способ совершения преступления как признак его объективной стороны.

При описании свойств действий (а значит, и способа), образующих продолжаемое преступление правоприменитель в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 04 марта 1929 года «Об условиях применения давности и амнистии к деящимся и продолжаемым преступлениям» оперирует термином «тождественность», который является не совсем удачным: действия, из которых складывается продолжаемое преступление, не могут и не должны быть абсолютно идентичными ни в юридическом, ни в фактическом смысле, акты поведения должны лишь иметь аналогичную социальную сущность, в которой в общем-то и объективируется единый умысел.

Социальная сущность действия – осознанный индивидом смысл воздействия того или иного его поступка на окружающий мир в восприятии общества: если социальная сущность поведения не меняется, то в сознании субъекта роль и значимость для социума его действий в объективной реальности также сохраняются независимо от модификации сопутствующих поступку условий.

Таким образом, лишь при сохранении социальной сущности повторяющиеся действия воспринимаются окружающими как тождественные по своей сути. Именно о такой «тождественности» и шла речь в Постановлении от 04.03.1929.

Модификация способа осуществления преступного намерения влечет уголовно-правовую самостоятельность каждого последующего преступного акта либо в случае изменения социальной сущности приемов и методов совершения преступления, либо изменения, наряду со способом, целой совокупности признаков объективной стороны деяния (времени, места, орудий и т.п.), обуславливающих иное социально-психологическое отношение субъекта к содеянному.

В итоге автор заключает, такие признаки объективной стороны состава преступления, как неоднократность, тождественная социальная сущность, противоправность, акт поведения, являются конститутивными при характеристике любого продолжаемого деяния: без наличия хотя бы одного из них в правовой действительности продолжаемого преступления быть не может – уголовно-наказуемое деяние в этом случае будет представлять собой либо совокупность преступлений (при отсутствии признака идентичной социальной сущности действий), либо единичное простое преступление или вовсе утратит свойство преступности (в отсутствие признаков неоднократности, противоправности или выраженности в акте поведения).

Другие обстоятельства (время, место и обстановка преступного деяния), несмотря на то что являются факультативными признаками любого, в том числе и продолжаемого, преступления, играют заметную роль в определении единичного характера посягательства, проявляя вонне признаки единого умысла злоумышленника.

Так, суть времени в свете рассматриваемой проблематики не в том, чтобы быть критерием (и даже одним из критериев) продолжаемого преступления, а в том, чтобы быть своего рода маяком для суда при определении ключевых элементов субъективной стороны деяния: ведь чем менее продолжителен промежуток времени между тождественными действиями, направленными на нарушение норм уголовного закона, тем больше оснований полагать, что в их основе лежит единый умысел, и наоборот, чем длительнее указанные временные отрезки, тем меньше вероятность того, что совершаемое преступление осознается индивидом как единое уголовно наказуемое деяние. При установлении субъективной стороны преступления важно определить следующее: существовал ли умысел во временном континууме непрерывно, или он угасал, возникая вновь.

В силу единичного характера продолжаемых преступлений сроки давности привлечения к уголовной ответственности применяются к уголовно наказуемому деянию в целом, а не к слагающим его действиям (бездействиям). Таким образом, сроки, предусмотренные ст. 78 УК РФ, исчисляются со дня окончания последнего из действий (бездействий), входящих в объективную сторону продолжаемого преступления.

Все продолжаемое посягательство следует квалифицировать по уголовному закону, действовавшему на момент совершения последнего из входящих в деяние действий, в том числе и в случае, если его новая редакция ужесточает ответственность.

Место и обстановка деяния действительно играют роль в определении единства умысла, лишь когда указанные признаки обуславливают саму возможность осуществления преступной деятельности без изменения избранного способа воздействия на ее

предмет. Ответ на вопрос о том, насколько велико может быть расстояние (в смысле пространства) между актами преступления, чтобы считать его продолжаемым, заключается в том, что новый умысел (пусть даже и идентичный) возникает в момент осознания необходимости модифицировать вместе с изменением территории и прием (метод) противоправной деятельности, применить дополнительные усилия.

Индивид, который совершает ряд аналогичных преступных действий при одних и тех же обстоятельствах, притом что именно благодаря обстановке и возникает возможность для делинквентного поведения, воспринимает такие акты поведения как тесно взаимосвязанные элементы единой преступной деятельности, даже при отсутствии единой конкретизированной цели. В данном случае целью посягательства перестает быть конкретный результат: цель действий субъекта продолжаемого преступления заключается в самом процессе выполнения объективной стороны противоправного деяния, в увеличении степени его общественной опасности путем нанесения максимально возможного урона, в достижении как можно более приемлемого результата, пока благоприятные условия неправомерной деятельности существуют в объективной действительности.

Единая приговорительная деятельность, подразумевающая создание виновным ситуации или вступление с потерпевшим(и) в отношения, которые дают возможность лицу совершить несколько противоправных деяний или облегчают их совершение, свидетельствует о восприятии индивидом совершаемых мини-преступлений как единого целого.

Второй параграф – «Объект продолжаемого преступления» – посвящен характеристике элементов общественных отношений, на которые посягает лицо, совершающее продолжаемое преступление, уделяется внимание и другим признакам, составляющим объект уголовно наказуемого деяния.

Для продолжаемых преступлений характерно, что составляющие их действия (бездействия) посягают на единый объект уголовно-правовой охраны. Вместе с тем, если уголовно наказуемое деяние посягает одновременно на несколько объектов (является полиобъектным), тот факт, что отдельные действия (бездействия) посягают лишь на один, основной, объект не исключает возможность квалификации их совокупности как единого продолжаемого преступления. Другими словами, если некоторые дискретные акты единой преступной деятельности причиняют вред только ее основному объекту (притом что имеется еще и дополнительный), или основному и дополнительному, но отличному от дополнительного объекта продолжаемого преступления в целом, то это не исключает возможность правовой оценки всех действий лица как единого деяния. Такой феномен можно объяснить тем, что, совершая общественно опасное деяние, сознание индивида фокусируется на основном объекте, дополнительному

объекту причиняется ущерб лишь при увеличении степени интенсивности воздействия либо при определенном способе такого воздействия; ни то, ни другое само по себе не способно нарушить единство субъективной стороны содеянного.

Наличие нескольких потерпевших от неоднократных действий (бездействий) виновного, так же как и множественность предметов преступления не является безусловным основанием для квалификации таких действий (бездействий) по правилам о совокупности преступлений.

Вместе с тем в случае, если благо, на которое совершено посягательство, неразрывно связано с личностью пострадавшего (жизнь, здоровье, неприкосновенность и т.п.), множественность на стороне потерпевшего исключает возможность оценки такого деяния продолжаемым. Однако если названные блага охраняются уголовно-правовой нормой наряду с другими общественными отношениями, выступающими основным объектом посягательства, то при установлении других обстоятельств, свидетельствующих о единстве намерения, дискретные акты, посягающие на них, могут оцениваться как единое продолжаемое деяние.

Единство предмета преступления может служить решающим критерием для разграничения продолжаемых преступлений и множественности таковых, лишь в том случае, если от анализируемого признака зависит объект уголовно правовой охраны. В иных случаях действуют общие правила правовой оценки содеянного по направленности умысла, а также объективным обстоятельствам деяния.

Третий параграф – «Субъективная сторона продолжаемого преступления» – посвящен уголовно-правовой характеристике процессов, протекающих в психике человека в связи с совершением им продолжаемого общественно опасного деяния.

Продолжаемые преступления в отличие от повторных это единичные деяния, и таковыми они должны быть именно с субъективной стороны содеянного. С точки зрения мыслительной деятельности индивида, каждый последующий дискретный акт должен являться продолжением предыдущего, а все в совокупности должны восприниматься как единое целое, а не как повторение ранее совершенного деяния. В основе концепции «восприятия деяния единым целым» лежит идея об устойчивости антисоциальных установок лица, степень которой гораздо менее значительна при попытке завершить начатое, нежели при возникновении решимости повторить преступный акт, что и обуславливает необходимость квалификации первого рода поступков как одного преступления.

Продолжаемые преступления могут совершаться как умышленно (при этом возможен как прямой, так и косвенный умысел), так и по неосторожности (причем как в форме легкомыслия, так и небрежности).

В основе умышленных продолжаемых посягательств лежит единый умысел, представляющий собой ассоциацию (проистекание) многократных действий с (из) общим намерением; в основе неосторожных продолжаемых преступлений – единая ошибка восприятия, которую можно охарактеризовать как определенное (общее) заблуждение, в результате которого виновный совершает многократные действия, каждое из которых влечет преступное последствие.

При совершении умышленного продолжаемого преступления индивид ассоциирует каждый поведенческий акт с общим преступным намерением. Глубина и интенсивность такой связи, главным образом, обусловлена конкретизированностью умысла, степень которой, по мнению большинства криминалистов, занимающихся проблемой продолжаемых посягательств, выступает основанием для классификации субъективной связи в подобного рода деяниях на следующие виды:

1) конкретизированный умысел на все деяния или на общий результат возникает до совершения первого деяния (классический единый умысел), его иногда называют преступным замыслом;

2) изначально имеет место неопределенный умысел, но, тем не менее, предполагающий возможность совершения нескольких деяний;

3) умысел на последующие действия появляется в процессе совершения предыдущего или с несущественным разрывом во времени, в подобных случаях говорят о перерастании умысла.

Лицо, в сознании которого сформировался определенный умысел, намеревается достичь конкретного преступного результата путем совершения неоднократных тождественных противоправных действий. Моментом фактического окончания такого сложного единичного преступления будет выступать реализация плана в полном объеме.

Квинтэссенцией неконкретизированного умысла в преступлениях анализируемой категории является формула «до тех пор, пока возможно»: злоумышленник рассчитывает осуществить столько дискретных актов, сколько позволит ему благоприятная в криминогенном смысле обстановка, стремясь при этом достичь максимально возможного эффекта своей неправомерной деятельности. Утрата возможности совершать преступные действия и означает завершенность посягательства в целом.

Таким образом, в обоих случаях индивид воспринимает свои поведенческие акты как единое деяние, пусть даже и растянутое во времени, разница лишь в моменте предполагаемого окончания выполнения объективной стороны продолжаемого преступления: наступление определенного итога при конкретизированном умысле и исчезновение конкретных обстоятельств и условий, при которых совершалось посягательство с неопределенным умыслом.

Как явствует из вышеизложенного, рассматриваемый институт допускает возможность совершения преступления как с одним (конкретизированным), так и с другим (неопределенным) видом умысла.

Однако чем более определенным является умысел, тем меньше иных признаков, объединяющих дискретные акты в одно целое: единые место, время, обстоятельства, мотив - необходимо для обеспечения той степени глубины и интенсивности ассоциативной связи между идентичными действиями, которая позволяет индивиду воспринимать их как стадии осуществления одного намерения. Это основополагающее умозаключение, позволяющее на основе упомянутых признаков очертить границы единого деяния, за рамками которых начинается область множественности преступлений.

Единая цель не является обязательным признаком состава продолжаемого преступления. Вместе с тем при ее наличии общая цель совершаемых однородных действий как никакой другой признак деяния свидетельствует о едином умысле осуществляемого посягательства, хотя бы и потому что прямо указывает на предельную конкретизированность субъективной стороны содеянного со всеми вытекающими последствиями. Данный признак как бы цементирует в сознании виновного общность дискретных актов, поскольку индивид, совершающий ряд действий во исполнение единого плана, несомненно, рассматривает такие поступки как неразрывно связанные элементы одного целого.

Изложенное во многом относится и к мотиву посягательства, представляющему собой внутреннюю побудительную причину неправомерного поступка.

Принимая во внимание, что единые мотив и цель являются одними из ключевых признаков рассматриваемой категории деяний, можно сделать вывод, если часть идентичных действий, обусловленных одним мотивом и направленных к одной цели, не образуют окончанный состав преступления (как это бывает в классическом продолжаемом преступлении), такие дискретные акты также слагают продолжаемое посягательство и, соответственно, не требуют дополнительной квалификации как приготовление или покушение на основное деяние: несмотря на свою незавершенность в уголовно-правовом смысле эти действия устремлены к удовлетворению той же актуализировавшейся в сознании виновного потребности, что и все деяние в целом, а значит, объединены общим умыслом.

В четвертом параграфе – «Субъект продолжаемого преступления» – дается уголовно-правовая характеристика субъекту продолжаемого посягательства, при этом акцентируется внимание на форме участия лица в осуществлении объективной стороны исследуемой разновидности сложных деяний.

Общепризнанной позицией является включение в субъект деяния трех признаков преступления: совершение посягательства физическим лицом, достижение таковым возраста уголовной ответственности и его вменяемое состояние.

Что касается возраста и вменяемости, то здесь все очевидно: при осуществлении лицом ряда противоправных действий, объединенных единым умыслом, преступными, в том понимании, который этому термину придает уголовный закон, будут лишь те акты, которые совершены вменяемым индивидом в возрасте, который в соответствии со ст. 20 УК России, является возрастом привлечения к уголовной ответственности за конкретное общественно опасное посягательство. Те же действия, которые совершены лицом до достижения возраста уголовной ответственности, не могут включаться в объем обвинения, за них лицо не ответственно.

При анализе соучастия в контексте исследуемой тематики особый интерес вызывает квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», прежде всего, в случае если преступный сговор состоялся, когда один из исполнителей уже совершил один или более дискретных актов, входящих в продолжаемое деяние.

Автор приходит к выводу, в случае, если сговор на посягательство имел место в процессе продолжаемого преступления, но до начала одного из действий, заключающего в себе полный состав объективной стороны преступления, то такая договоренность должна оцениваться как предварительная применительно к ч. 2 ст. 35 УК РФ.

При совершении продолжаемого преступления в соучастии каждый из соучастников отвечает лишь за те действия (бездействия), которые охватывались его умыслом (эксцесс исполнителя). Пособник, способствовавший совершению лишь одного из дискретных актов, слагающих продолжаемое преступление, несет ответственность за все деяние в целом при наличии в совокупности двух условий:

- значимость криминального акта, в котором он задействован для всего посягательства в целом (объективный критерий);
- осведомленность пособника о вышеуказанном обстоятельстве (субъективный критерий).

Игнорирование правоприменителем любого из приведенных критериев будет означать либо вменение преступления при отсутствии виновного к нему отношения (если не установлен субъективный момент), либо осуждение лица за одну лишь информированность о преступном событии (при отсутствии объективного фактора).

Пособничество (подстрекательство, организаторство) в совершении совокупности преступлений не исключает квалификации действий такого соучастника как продолжаемого посягательства в случае, если установлено, что он действовал с единым умыслом. Так же как пособничество (подстрекательство, организаторство) нескольким

действиям (бездействиям), входящим в объективную сторону продолжаемого деяния, при наличии доказательств самостоятельности умысла может быть оценено как множественность преступлений.

В пятом параграфе – «Сущность и определение продолжаемого преступления» – автор выявляет сущность исследуемого феномена и формулирует его определение.

Сущность представляет собой внутреннее содержание явления, обнаруживающееся во внешних формах его существования. Применительно к предмету исследования сущностью выступает единство взаимосвязанных объективных и субъективных признаков продолжаемого деяния, свойства которых определяют его единичный характер. Таким образом, смысл существования указанной категории посягательств состоит в том, чтобы определить границу между единичными и повторными преступлениями. В свою очередь, четкое разграничение двух этих смежных категорий преследует цель установить степень общественной опасности личности виновного, которая зависит не только от величины урона, нанесенного находящимся под охраной уголовного закона общественным отношениям, но и от того, насколько легко в сознании индивида формируется решимость на совершение очередного преступного акта. Указанное обстоятельство характеризует степень исправимости преступника, поскольку множественность посягательств свидетельствует о наличии определенного криминального менталитета. Именно по этой причине к такому лицу необходимо применять более строгие меры уголовно-правовой репрессии.

На сущностном уровне продолжаемое преступление зиждется на трех уровнях связи: объективной, субъективной и взаимосвязи первых двух общностей.

Объективная связь между отдельными деяниями проявляется в общем признаке, который характерен для явления в целом. Квинтэссенцией субъективной связи является единый умысел, обуславливающий восприятие виновным содеянного одним целым.

Особый интерес представляет взаимообусловленность объективной и субъективной связи в подобного рода посягательствах, которая является проявлением одного из законов диалектики (закон единства и борьбы противоположностей): с одной стороны, чем однороднее поступки более ассоциированы объективными признаками деяния, тем меньшая степень субъективной связи требуется для признания преступления продолжаемым, и наоборот. С другой стороны, качественные и количественные характеристики объективной связи в продолжаемом посягательстве определяют уровень субъективной общности указанного единичного деяния: объективные признаки, отражаясь в сознании индивида, закрепляют единство умысла.

В итоге, детализируя сущность продолжаемого преступления, можно определить ее следующим образом: единство объективной и субъективной взаимосвязи признаков продолжаемого деяния, свойства которой обуславливают восприятие индивидом совершаемых им актов действия или бездействия как единого целого (единый умысел), что влечет квалификацию содеянного в качестве единичного преступления.

Кроме того, диссертант проводит сравнительный анализ различных определений продолжаемого преступления, предложенных ведущими в этой области криминалистами, отмечая достоинства и недостатки каждой дефиниции; по итогам анализа предлагается авторское определение: продолжаемое преступление – это единичное преступное деяние, складывающееся из нескольких (двух и более) имеющих тождественную социальную сущность (аналогичных) противоправных действий (бездействий), объединенных единым умыслом (умышленное продолжаемое преступление) или единой ошибкой восприятия (неосторожное продолжаемое преступление).

Положительным моментом сформулированного определения является использование в нем лишь тех признаков состава уголовно наказуемого деяния, без наличия которых невозможно квалифицировать посягательство как продолжаемое, дефиниция не перегружена ненужными подробностями, не имеющими сущностного значения (как-то, перерыв во времени). Отсутствует ссылка на единый объект посягательства, однако тождественная социальная сущность (аналогичность) актов подразумевает единство общественных отношений, которым причиняется вред продолжаемым преступлением. В определении особо отражены и признаки неосторожных продолжаемых преступлений, причем носящие не абстрактный характер (единство вины): из субъективной стороны (по аналогии с умышленными посягательствами) состава выделен тот элемент, который является критерием, связывающим множество действий (бездействий) в одно целое – единая ошибка восприятия. Предложенная дефиниция не ограничивает рамки продолжаемых преступлений какой-либо разновидностью умысла (прямым, косвенным, конкретизированным, неконкретизированным), допускается возможность существования продолжаемых деяний как с формальным, так и с материальным составом.

Третья глава – «Уголовно-правовая характеристика отдельных видов продолжаемых преступлений» – состоит из трех параграфов.

В первом параграфе – **«Продолжаемые наркопреступления»** – анализируются признаки продолжаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Автор подробно разбирает уязвимые места в нынешнем подходе правоприменителя к определению продолжаемого характера наркопреступлений, который в качестве признаков такового приводит следующие обстоятельства: неизменность места продажи, формы сбыта

наркотиков и покупателя, одна разновидность или партия запрещенного вещества, непродолжительное время между актами сбыта. Ошибочность подхода судов к аргументации признаков продолжаемого деяния состоит, прежде всего, в том, что они переносят акцент с субъективной стороны преступления, на его объективную составляющую, в чем немалую роль сыграло неправильное толкование Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», абзац 6 пункта 13 которого рассматривался как содержащий правила квалификации продолжаемой реализации наркотических средств, в то время как его положения были нацелены на разъяснение вопросов юридической оценки неоконченных преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ.

Кроме того, в параграфе продемонстрирована упорность позиции правоприменителя в придании оперативно-розыскному мероприятию (в частности «Проверочной закупке») значения процессуальной предпосылки квалификации наркопреступлений продолжаемым посягательством.

При отграничении продолжаемого сбыта наркотических средств от совокупности преступлений указанной категории диссертант предлагает устанавливать направленность умысла виновного при реализации запрещенных веществ. Так, если лицо занимается сбытом наркотических веществ на систематической основе, то каждый акт сбыта следует квалифицировать как самостоятельное преступление, за исключением случаев, когда продажа наркотика происходит в рамках одной договоренности. Если же умысел виновного направлен на сбыт конкретной массы наркотического средства, то его реализация в несколько приемов даже нескольким лицам представляет собой единое продолжаемое деяние.

Предложенные критерии квалификации продолжаемого сбыта наркотических средств не только позволяют четко разграничить единичные и множественные посягательства в сфере незаконного оборота запрещенных веществ, но и учитывают психические процессы, происходящие в сознании индивида, связанные с восприятием им своей криминальной активности, что особенно важно при анализе продолжаемых деяний. Кроме того, такая схема юридической оценки действий злоумышленника отвечает требованиям принципа социальной справедливости, поскольку при описанном подходе к уголовно-правовой квалификации лицо, занимающееся реализацией нелегальных средств в качестве промысла, будет нести более строгую ответственность, в том числе и в связи с тем, что в его действиях практически всегда будет усматриваться совокупность преступлений по изложенным выше мотивам.

Во **втором параграфе** – «**Продолжаемое взяточничество**» – анализируются признаки продолжаемых преступлений в сфере

незаконного подкупа публичных служащих. Автор подробно разбирает критерии разграничения единичных и множественных посягательств, связанных с получением взятки.

Предпринята попытка показать значимость формы поведения должностного лица, обуславливающей взятку, при решении вопроса о продолжаемом характере деяния.

Так, при передаче виновному имущества за совершение нескольких действий в пользу одного взяткодателя либо за одно действие в пользу нескольких взяткодателей при определении продолжаемого характера получения взятки необходимо учитывать степень связанности совершаемых должностным лицом актов служебного поведения, а также необходимость вновь устанавливать коррупционный контакт между взяткодателем и взяткополучателем.

Если корруптер на регулярной основе передает публичному служащему материальные ценности, при этом они оба достоверно не знают, какие полномочия потребуется задействовать и потребуется ли их задействовать вообще, то в сознании взяткополучателя акт вручения денег увязывается не с абстрактными действиями (бездействием), а с самой готовностью их осуществить. Другими словами, необходимые полномочия публичного служащего покупаются опосредованно через его благоприятное отношение, которое выступает формой психологического контакта, на поддержание которого и направлены неоднократные платежи.

В совокупности названные факторы влекут восприятие индивидом передачи незаконного вознаграждения за общее покровительство (попустительство) единой взяткой, но осуществляемой в несколько приемов. Вне всяких сомнений, именно изложенные соображения легли в основу решения Пленума Верховного Суда РФ специально оговорить необходимость квалификации неоднократной передачи взятки за подобное служебное поведение чиновника как продолжаемое посягательство.

Бездействие как форма служебного поведения в сознании коррумпируемого лица зачастую также выступает единым актом, в связи с чем и периодические выплаты за него рассматриваются индивидом как незаконное вознаграждение, передаваемое частями. Однако так бывает не всегда: если, по мысли «контрагентов», деньги каждый раз вручаются за конкретный акт бездействия, то в действиях взяткополучателя усматривается совокупность преступлений.

Таким образом, при решении вопроса о единичности деяния применительно к получению взяток за бездействие следует установить, воспринимается ли коррумпируемым лицом эта разновидность служебного злоупотребления просто как купленная пассивная форма поведения по отношению к допускаемым нарушениям (продолжаемое посягательство), либо же как целенаправленное, но при этом в каждом случае дискретное,

нерагирование на вновь выявленные факты, требующие определенного служебного вмешательства (множественность преступлений).

Кроме того, диссертантом обосновывается следующий тезис: если покупается определенная линия служебного поведения должностного лица независимо от того, выражена она в действиях либо бездействии, психологическое отношение виновного к неоднократному получению незаконного вознаграждения идентично тому, как он воспринимает платежи за благоприятное отношение к подчиненному при общем покровительстве или попустительстве по службе. Поэтому, разрешая проблему множественности деяний применительно к исследуемому преступлению, суду необходимо понять, вручались ли деньги за конкретное действие (бездействие) либо за покровительственное (попустительское) отношение (в широком смысле) к взяткодателю. В последнем случае систематическая передача коррумпируемому лицу денег воспринимается им как оплата "дружеского отношения", осуществляемая в несколько приемов, с соответствующей квалификацией таких действий.

Отстаивается мысль, противоположная позиции высших судебных инстанций, о том, что получение взятки в квалифицированных размерах может быть признано оконченным лишь при условии, что реально полученная взяткополучателем часть суммы денег или иных ценностей является составообразующей (то есть фактически полученная сумма денег должна в соответствии с примечанием 1 к ст. 290 УК РФ превышать 25 тысяч, 150 тысяч либо 1 миллион рублей в зависимости от того, какой квалифицирующий признак вменяется виновному).

В третьем параграфе – «Продолжаемые преступления, сопряженные с посягательством на половую свободу и половую неприкосновенность» – анализируются признаки продолжаемых преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности.

Автор подробно разбирает нынешние разъяснения высшей судебной инстанции относительно критериев разграничения единичных и множественных половых посягательств, выявляет сильные и слабые стороны указанного Постановления Пленума ВС РФ, сравнивает его с предыдущим документом подобного рода. В итоге делается вывод о необходимости изменить формулировку, используемую Верховным Судом России для описания продолжаемых изнасилований.

В работе отмечается важность признака времени как индикатора раздельности умысла при совершении анализируемых посягательств, при этом автор предостерегает и от переоценки названного элемента, который должен учитываться в совокупности с другими признаками преступления при определении его продолжаемого характера.

Исследователь выдвигает несколько теорий, в рамках которых пытается определить сущность продолжаемых изнасилований.

Так, например, теория психического контроля во главу угла ставит эмоциональное состояние потерпевшей, которое, преломляясь в сознании преступника, определяет единство его намерения при совершении действий сексуального характера.

Теория физического контроля первостепенную роль отводит насилию (в том числе и психическому), которое при непрерывном применении, является залогом квалификации нескольких половых актов единичным деянием.

В параграфе уделено внимание и другому способу совершения изнасилования, а именно использованию беспомощного состояния потерпевшей. На конкретных примерах из судебной практики разбираются признаки названной формы преступного посягательства, учитываемые правоприменителем при решении вопроса о единичности деяния.

Автором особо подчеркивается мысль о невозможности оценки половых посягательств в отношении нескольких потерпевших одним преступлением, поскольку при таких обстоятельствах благо, на которое воздействует злоумышленник, неразрывно связано с личностью пострадавшего лица.

В итоге формулируются правила разграничения между единичными сексуально-насильственными преступлениями и множественностью таковыми.

Совершение с потерпевшей нескольких половых актов при непрерывном применении насилия (в том числе и психического) квалифицируется как продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ.

Ключевым признаком, объединяющим несколько половых актов в единое изнасилование, является состояние потерпевшей (состояние подавленности), которое в силу примененного ранее насилия позволяло беспрепятственно совершать с ней действия сексуального характера.

При совершении изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей единство умысла виновного определяется возможностью беспрепятственно (без соответствующей подготовки) осуществлять преступные действия сексуального характера.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы и предложения, имеющие научно-теоретическое значение, а также предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения; изложены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложениях** к диссертации содержатся анкеты экспертного опроса, использованные при проведении исследования.

Кроме того, диссертант предлагает авторский проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о продолжаемых преступлениях», в котором дает

правила квалификации продолжаемых посягательств, получившие обоснование в работе.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах автора:

Публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ:

1. Залов А.Ф. Проблемы квалификации продолжаемых изнасилований // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 27-38. 1,14 п.л.

2. Залов А.Ф. Проблемы квалификации продолжаемых наркопреступлений // Законность. 2014. № 2. С. 41-45. 0,53 п.л.

3. Залов А.Ф. ОРМ как процессуальная предпосылка квалификации деяния продолжаемым преступлением? // Законность. 2014. № 4. С. 50-55. 0,44 п.л.

4. Залов А.Ф. К вопросу о продолжаемой взятке // Законность. 2015. № 4. С. 41-45. 0,39 п.л.

Работы, опубликованные в других изданиях:

5. Залов А.Ф. Соучастие в совершении продолжаемого преступления // Аспекты права. 2014. № 4. С. 45-47. 0,26 п.л.

6. Залов А.Ф. Место как признак продолжаемого преступления // Правовая система и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, 3-7 декабря 2012 г.). Уфа, 2012. С. 129-132. 0,21 п.л.

7. Залов А.Ф. Объект как элемент состава продолжаемого преступления // Правовая система и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, 5-7 декабря 2013 г.). Уфа, 2013. С. 18-22. 0,29 п.л.

8. Залов А.Ф. Неосторожные продолжаемые преступления // Правовая система и вызовы современности: Материалы XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Уфа, 3-5 декабря 2015 г.). Уфа, 2015. С. 48-51. 0,25 п.л.

9. Залов А.Ф. Соучастие в совершении продолжаемого преступления // Модернизация юридического образования: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Института права Башкирского государственного университета и высшего юридического образования в Республике Башкортостан (г. Уфа, 5-6 ноября 2014 г.). Уфа, 2014. С. 39-43. 0,23 п.л.

10. Залов А.Ф. Место как признак продолжаемого преступления // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы IX Международной

научно-практической конференции (г. Тюмень, 2-3 ноября 2012 г.). Тюмень, 2012. С. 117-121. 0,49 п.л.

11. Залов А.Ф. Объект как элемент состава продолжаемого преступления // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Тюмень, 1-2 ноября 2013 г.). Тюмень, 2013. С. 78-83. 0,56 п.л.